

Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли

I

Покойный Владимир Сергеевич Соловьев выставил когда-то лозунг самоопределения русской философской мысли: вопрос о том, быть ли ей национальной или вненациональной, русской или западной, -- он решил в сторону Запада. Западноевропейская мысль развивалась в борьбе со схоластическим догматизмом; в такой догматизм впадала, естественно, религиозная философия; лозунг философии Запада есть мысль об ее автономном развитии. *"Если наша философская мысль обнаруживает теперь мистическое направление, -- пишет Соловьев в "Национальном вопросе", -- то она, наверное, никаких плодов не принесет"*. Нам чрезвычайно ценно заявление философа-мистика о необходимости автономного философского развития; сам он стоял на той точке зрения, что путем освобождения от извне привнесенной мистики философская мысль чисто рациональным путем приходит к осознанию своей деятельности как проявления Божественного Логоса. Связь философии с религией устанавливает он не путем внешнего насилия, совершаемого над *ratio*, а путем рационального осознания самого *ratio* как части Логоса; всякое иррациональное суждение о задачах и судьбах философии, на основании желания ее видеть иррациональной, ему должно было претить. Присягновение русской философской мысли традиции Запада вовсе не есть закрепление ее как русской мысли чуждыми формами. Единственная традиция западной философии есть основное убеждение самых разнообразных представителей ее течений (все равно -- метафизиков, позитивистов, идеалистов) в самостоятельности задач самой философии, независимо от смежных дисциплин познания и творчества.

Говорить о самобытности русской философии и противопоставлять западной -- значит противопоставлять *автономии гетерономию, независимости -- зависимость*. Нет ни немецкой, ни русской философии; есть только философия; самобытность -- в приеме обоснования, а не в самом обосновании.

Эти простые соображения рождаются невольно по поводу любопытной полемики, возникающей вокруг русских философских выпусков "Логоса", являющихся ветвью международного журнала того же имени.

Русская редакция "Логоса" задается целью знакомить русскую публику с выдающимися мыслителями Запада не только путем изложения их мировоззрений, но и путем печатания их статей; в первых двух выпусках впервые для русского читателя печатаются прекрасные статьи Виндельбанда, Риккерта, Зим-меля, видного, но вовсе у нас не известного эстетика Ионаса Кона, замечательного итальянского ученого Бенедетто Кроче, Фосслера, Карла Иоэля (автора блестящей работы "Ницше и романтизм") и др. "Логос" дает прекрасные обстоятельные обзоры немецкой, английской и итальянской философии; в числе постоянных сторонников "Логоса" значатся лучшие философские силы Германии. Казалось бы, следовало радоваться тому, что наш бедный философской литературой книжный рынок обогащается столь ценным и хорошо обставленным предприятием.

Не тут-то было. Уже первый выпуск "Логоса" вызвал ожесточенные нападки. На кого же? На философию Риккерта, Виндельбанда, Когена, на самую постановку философских проблем в Германии? Нет: ожесточенные нападки обрушиваются на 15 страничек редакционного заявления. Игнорируются слишком 250 страниц оригинального философского творчества (Риккерт, Бутру, Фосслер и др.); "Логос" объявляется ненужным, негодным предприятием; и все из-за 15 страничек предисловия. В чем же заключается "ересь", проповедуемая редакторами "Логоса"? Что волнует и исполняет негодования мужей-философов?

Редакционное заявление "Логоса" открывается цитатой из Владимира Соловьева: *"Безусловно независимая и в себе уверенная деятельность человеческого ума -- есть собственно стихия философии"*. В той цитате -- явное признание Соловьевым автономного значения философии; западноевропейская философия лозунг этот и пытается осуществить. Редакция "Логоса", проводя начала независимой единой философии, в этом смысле присягает западноевропейской традиции. *Западничество "Логоса"* принимается противниками в узком смысле этого слова. В желании провести взгляд на задачи независимой философии русского философа-мистика Вл. Соловьева усматривается кощунственное посягательство на достоинство самобытной русской философии.

На почве чисто отвлеченного спора о задачах и методах философии по-новому воскресает спор славянофильства и западников.

А